

ЛАБОРАТОРИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Толстокорова¹
Независимый аналитический центр
(Киев)

ДАМА В ДИЛИЖАНСЕ: ЖЕНСКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ МОДЕРНА

Статья преследует цель проблематизировать социально-культурные импликации такого важного, но недоосмысленного и потому недостаточно изученного исторического процесса как обретение женщинами пространственно-физической свободы в публичной сфере и их массовой географической мобильности женщин на рубеже XIX – XX ст., а также проследить его отражение в художественной литературе эпохи модерна. Для достижения этой цели вводится понятие женской пространственной эмансипации.

Ключевые слова: женская пространственная эмансипация, географическая мобильность, новая девочка, новая женщина, публичное и приватное пространства.

---

¹ Алиса Валерьевна Толстокорова, кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт, Независимый аналитический центр, Киев, Украина, член 8 международных профессиональных сетей и ассоциаций.

Tolstokorova Alissa V.
Independent analytical centre
(Kyiv)

**A FEMALE IN A PHAETON: FEMALE GEOGRAPHIC MOBILITY
AND SPATIAL EMANCIPATION IN FICTION OF ART NOUVEAU
ERA**

The paper sets out the problem of the socio-cultural implications of such an important but underconceptualized historical process as the acquisition of spatio-physical freedom in the public sphere by women and their en masse geographic mobility on the turn of the 19th and 20th centuries. It also traces the reflection of this process in the fiction of the art nouveau period. The concept of female spatial emancipation is introduced to reach this aim.

Key words: female spatial emancipation, geographic mobility, new girl, new woman, private and public spaces.

«Сколько дорог должен пройти мужчина, чтобы считаться мужчиной?» – этот вопрос ставит американский рок музыкант и лауреат Нобелевской премии по литературе за 2016 г. Боб Дилан в своей песне «В дуновении ветра», считающейся гимном движения за гражданские права. В данной статье ставится аналогичный вопрос – в метафорическом смысле – но применительно к женщине. Работа преследует цель проблематизировать социо-культурные импликации таких важных, но недоосмысленных и недостаточно изученных исторических трендов, как обретение женщинами пространственно-физической свободы в публичной сфере и их массовая географическая мобильность во второй половине XIX – начале XX ст., а также проследить их отражение в художественной литературе этого периода. Теоретическая задача статьи заключается в том, чтобы выявить значимость гендерного фактора в художественной рефлексии на тему трансформации философии пространственного поведения женщин в эпоху модерна. Практической задачей является выявление влияния пространственной эмансипации на личность женщины и ее самоидентификацию на основе анализа способов художественной репрезентации процесса пространственной эмансипации

женщин в художественной литературе второй половины XIX – начала XX ст.

Для решения поставленных задач вводится аналитический концепт «*пространственная эмансипация*», через призму которого рассматривается обозначенная научная проблема. При этом данное понятие предлагается понимать как расширение социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин в процессе их исторической релокации из приватной сферы в публичную на рубеже XIX и XX вв. с целью достижения пространственной свободы и завоевания права на автономную географическую мобильность [Толстокурова, 2012].

Женская пространственная эмансипация: исторический контекст

На протяжении всей истории современной цивилизации, вплоть до эпохи модерна, участие женщин в культурном процессе было ограниченным, поскольку им было позволено осваивать лишь приватное пространство дома и семьи. Их присутствие в публичном пространстве не приветствовалось патриархальным обществом, а доступ к нему, особенно для представительниц привилегированного класса, жестко ограничивался на основе убеждения, что сам факт нахождения женщины за порогом дома означает физическую доступность. Для того, чтобы выйти на улицу без сопровождения, приличная замужняя дама, или в терминах Оноре де Бальзака женщина “*comme il faut*”, вынуждена была прибегать к разнообразным уловкам, как это делала, например, госпожа Бовари в одноименном романе этого французского писателя. Хотя некоторые послабления допускались для женщин простого сословия, для благородной дамы географическая мобильность на дальние расстояния была возможна только при наличии сопровождения.

С началом индустриальной революции в ряде регионов мира, вступивших на путь правовой и бытовой эмансипации, начали рушиться социальные и культурные нормы, поддерживавшие стратификацию поведения и потребления. Сложилась новые условия, предоставившие женщинам доступ к технологическим, торговым и транспортным инновациям и позволившие их участие в рынке труда, общественной

деятельности и спорте. Это открыло перед женщинами новые возможности, среди которых завоевание права на мобильность стало их «исключительным достижением» [Braidotti, 2011].

Процесс вхождения женщин в публичное пространство сопровождался формированием новых социальных ценностей и норм поведения, обусловив появление поколения «новых женщин»¹, отвергавших незыблемое правило «место женщины – в доме» и стремившихся завоевать собственное место в сфере общественной деятельности.

Пространственная эмансипация женщин была преимущественно городским явлением и уделом представительниц среднего класса. Она проявлялась, в частности, в увлечении женщин различными новыми видами телесно-двигательных практик, физкультурой и спортом [см. Толстокорова, 2013]. Одной из форм проявления этого тренда стало новомодное увлечение женщин независимым туризмом, или в терминах теории проксемики, – «пространственной коммуникацией» [Hall, 1966]. Этому способствовало расширение сети железных дорог и туристического бизнеса в результате научно-технической революции, совпавшее с первой волной женского движения и появлением «женщины нового типа». Свободе передвижения женщин в публичном пространстве также благоприятствовало формирование на рубеже веков женской городской культуры и «феминной «культурной среды»»² [Толстокорова, 2016]. Немалую роль в этом сыграло возникновение буржуазной потребительской культуры, позволившей легитимировать физическую

---

¹ Этот термин был предложен англичанкой Сарой Гранд [Grand, 1898] для визуализации женщины нового типа, которой свойственно стремление к независимости и свободе, в том числе пространственной автономии, осознание своей самооценности как личности.

² Под культурной средой здесь понимается вслед за Андреем Флиером, «специфическое пространство ритуализированного социального поведения людей, которое формируется и функционирует в ходе осуществления нескольких процессов коллективной жизнедеятельности», в данном случае прежде всего – «культурного регулирования» [Флиер, 2014].

мобильность женщин за пределами дома [Walker, 1995; Rappoport, 2000; Lysack, 2008]. Благодаря этому исчезала домашняя изоляция, в которой женщина жила до тех пор. Новая культура женского урбанизма способствовала формированию «новой парадигмы пространственного самоопределения женщины» [Толстокорова, 2016], предполагавшей ее интеграцию в публичное пространство города, новый контекст повседневного существования и новые нормы и правила поведения в нем.

Образ пространственно свободной «новой женщины» в культуре и литературе

Этот новый социо-исторический контекст отражал возникновение интереса общества к реалиям повседневной жизни женщин из разных слоев общества и сопровождался появлением реалистических романов, центральным персонажем которых становилась «новая женщина», и новых литературных женских образов, отстаивающих свое право на пространственное самоопределение.

Пространственной свободой в полной мере пользуется «новая женщина» Вера Павловна – героиня романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). Главную героиню романа И.С. Тургенева «Ася» (1857) рассказчик характеризует так: *«Я не видел существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибежала снова»* [Тургенев, 2009, с. 10]. Эта целеустремленная девушка смело нарушает гендерные конвенции пространственного поведения, предписываемые женщине, хотя и знает, что окружающие находят ее поведение неприличным. Она то карабкается по развалинам, то сидит над пропастью или даже мечтает *«пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг»* [Тургенев, 2009, с. 32].

В романе Уилки Коллинза «Закон и жена» (1875) решение главной героини Валерии Вудвилл одной отправиться в путь на важную встречу наталкивается на недоумение ее дядюшки: *«Ты хочешь отправиться по разным городам и сама разыскать незнакомых тебе людей, рискуя встретить Бог знает какой прием? Ты, молодая женщина, брошенная своим мужем! Одна, без покровителя!»* [Коллинз,

2016, с. 129]. Но это предостережение не имеет воздействия, а напротив, лишь укрепляет стремление молодой женщины самостоятельно решать свою судьбу. На предостережения родственника она уверенно отвечает: *«Предоставьте мне действовать и сделать попытку, какой бы она ни показалась вам безрассудной... Я сама очень хорошо осознаю, что меня ожидает множество затруднений и препятствий»* [Коллинз, 2016, с. 130].

Пространственно свободные «новые женщины» выгодно отличаются от своих предшественниц домодерной эпохи, автономное передвижение которых вне дома считалось нелегитимным и ассоциировалось с интимной доступностью. Дама из высшего общества, оказавшись по каким-то причинам в публичном пространстве одна, вынуждена была скрывать свою идентичность либо чадрой, как на мусульманском Востоке, либо вуалью, как в Европе, либо мантилейей, как в Испании и Латинской Америке, либо даже маской, как в Венеции. Даже в более поздний период модернизации это явление не изжило себя. Например, в таком «модернизованном» городе, как бразильский Буэнос Айрес, если женщина из «приличной семьи» отваживалась появиться за пределами дома одна, то непременно сталкивалась с недоброжелательными взглядами и даже освистыванием [John 1993].

Образы «новой девочки» в детской литературе

В этот период на повестку дня общества встал вопрос о необходимости формирования нового образа женщины для новой эпохи, поиска новых женских идентичностей, идеалов феминности и «символов «правильной» экипировки будущей женщины» [Рудова, 2012], соответствующих реалиям времени. Было очевидно, что начинать этот процесс следует с раннего возраста. На страницах периодических изданий и художественных произведений для детей стали появляться образы «новой девушки и девочки», призванные помочь будущей гражданке сформироваться как личности, идущей в ногу с прогрессом. Этому способствовала популярная в педагогической мысли того времени идея Руссо о том, что ребенка нельзя считать просто маленьким, несозревшим взрослым, а детство и юность следует рассматривать как жизненные циклы, имеющие свою собственную социальную ценность

для развития и становления человеческой личности. В этом контексте новый жанр «роман для девочек» оказался востребованным читательской публикой, поскольку служил именно этим целям. Как отмечает Елена Трофимова [Трофимова, 2007, с. 166], в нем были поставлены весьма актуальные не только в то время, но даже сегодня вопросы: как должна репрезентировать себя женщина в современном обществе, каким традициям необходимо следовать, а какие – преодолевать, до каких границ распространяется женская свобода и в чем она заключается? Наконец, каково иерархическое соотношение мира мужчин и мира женщин?

По словам Буэль Вестин [Вестин, 1999, с. 20], произведения этого жанра быстро стали популярными во многих странах мира, так как благодаря им «юная женщина наконец-то обрела собственное место в литературе». Кроме того, создатели романов для девочек хорошо понимали, какую важную роль может сыграть книга в воспитании ребенка и считали своей задачей создание такого жанра, который дал бы возможность обсуждать с детьми серьезные вопросы девочек в доверительной и занимательной форме. Достоинством произведений этого жанра был уникальный синтез элементов просветительского и воспитательного романа, нравоучительной повести, и даже готического романа, хотя и с оглядкой на детскую аудиторию [Шишкова, 2002]. Неудивительно, что романы для девочек были популярны не только среди женской детворы и молодежи, ими зачитывались мальчики и даже взрослые.

Пространственная эмансипация образа «новой девочки» в романах российских и зарубежных русских детских писательниц

Процесс пространственной эмансипации образа «новой девочки» нашел отражение в книгах для девочек, принадлежащих перу популярных российских детских писательниц второй половины XIX в.¹

---

¹ Евгении Авенировны Аверьяновой (Офросимовой, 1853 – ?) – «Иринкино счастье» и «Кити пусть»; Варвары Павловны Андреевской (1848 –

К примеру, в повести «Подруги» Веры Петровны Желиховской (1835–1896) пространственно независимая девочка представлена образом главной героини Нади, своенравной и свободолюбивой особы, отказавшейся жить с мачехой, с которой не смогла найти общего языка и предпочла жить в пансионе: «... *“бедная сиротка” оказалась гораздо развитее, сметливее и характернее, чем ожидала того её мачеха: она сразу протестовала против <...> этих роскошных нарядов <...>, которые её стесняли. Еще сильнее восстала она против деспотизма гувернантки, приставленной к ней по выбору мачехи. Надя, по привычке, говорила все, что было на уме, вычурной парижанке, приходившей в ужас от её дурных манер и невоспитанности; она не считала нужным слушаться гувернантки в том, что казалось ей дурно и несправедливо. Девочка открыто и смело восстала против неё*” [Желиховская, 2014, с. 14].

Образы географически мобильных девочек-путешественниц представлены в сочинениях русской детской писательницы Августы Пчельниковой¹ «Дачная жизнь девицы Насти» (1870), «Путешествие для открытий, предпринятое Настей и двоюродным братом Колей» (б. д.), в которых главная героиня совершает дальние путешествия самостоятельно. В рассказе детского писателя и основателя российской научной педагогики Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1871) «Поездка из столицы в деревню» (1861) девочка Лиза и ее брат Володя, никогда раньше не покидавшие Петербурга, уезжают на лето за 600 верст в деревню и путешествуют по российской глубинке без сопровождения взрослых. Оставив знакомое пространство родного дома и оказавшись в чуждом для них публичном пространстве «взрослого мира», дети сталкиваются с его сложностями и пытаются их осмыслить.

после 1915) – «Записки куклы», «Девочкам о девочках», «Олины затеи»; Лидии Филипповны Нелидовой (Маклаковой) (1851–1936) – «Мои две племянницы», «Надежда семья», «Анна», «Девочка Лида. Рассказ для детей»; Софьи Буткевич (Бугашевской, пригл. 1830–1880) – «Дневник девочки»; Марии Федоровны Ростовской (1816–1872) – «Солдатка»; Надежды Лухмановой (1844–1907) – «Девочки: воспоминания институтки» (1896) и т.д.

¹ Настоящее имя Августа Андреевна Цейдлер, урождённая Рыхлевская (1830–1891).

Следует отметить, что уже сам факт экстраполяции образа девочки в публичную сферу, где она путешествует не только без взрослых, но еще и в компании с мальчиком-ровесником, был неординарным явлением для того времени и откровенным вызовом гендерным стереотипам, встроенным во всю предшествующую детскую литературу, которая определяла домашнее пространство как единственно допустимую сферу существования девочки и предписывала территориальную сегрегацию детей разного пола. Исключения допускались лишь для неординарных ситуаций, как например, в сказке немецких писателей-сказочников братьев Гримм «Гретель и Гензель» (1812), где дети оказываются в лесу одни по злой воле взрослых.

И хотя до сих пор не утихают споры о том, был ли роман для девочек эффективным инструментом формирования сознания «новой женщины» или скорее увековечивал традиционные женские роли, очевидно, что посыл к трансформации гендерных стереотипов в нем явно присутствовал [Szabo, 2009]. Эти произведения, исполнявшие социальную роль «введения в постмодерн для детей» [Разумовский, 2008], привлекли внимание общественности к системе межличностных связей девочки-подростка и помогли ей обрести свою собственную нишу в мире взрослых [Шишкова, 2003]. «Маленькая женщина» в романах этого жанра могла отправляться в длительные рискованные прогулки и даже в увлекательные заморские путешествия без сопровождения взрослых, осваивая незнакомое пространство вне родного дома. Она хочет «быть сильной, уметь все и жить без ограничений» [Славова, 1987].

Властительница детских сердец и дум: пространственная эмансипация в «девчоночьих романах» Л.А. Чарской

Читательская публика России и русскоязычной Украины с упоением зачитывалась «девчоночьими романами» детской писательницы Лидии Алексеевны Чарской (1875–1937) – «властительницы сердец и дум» [Фриденберг, 1912, с. 5] и кумира нескольких поколений детворы рубежа веков, особенно школьниц. Считавшиеся бестселлерами своего времени, ее задушевные, искренние,

хотя немного наивные и сентиментальные сочинения, воспевавшие женскую дружбу, человечность и порядочность, открывали перед читателями увлекательный мир своих юных героинь, в полной мере пользующихся пространственной свободой. Они убегают из дому («Смелая жизнь», 1905), становятся укротительницами диких зверей («Сибирочка», 1910) или сестрами милосердия в холерном бараке («Сестра Марина», 1913) и даже живут на природе, вдали от людей как героиня повести «Лесовичка»: *«Лесная девочка» шла в Розовое. Шла под вечер, чтобы никто ее не заметил в графской усадьбе. В смуглой руке она держала пачку книг – милых книг, которые несла обменять на другие, неведомые. Ксаня шла легко и быстро, подпрыгивая, как коза, с упоением вдыхая в себя свежий смолистый запах и глядя разгоревшимися от удовольствия глазами по сторонам. <...> Милый, старый лес, который она знает вдоль и поперек и в чащу которого ее влечет всегда неодолимо. <...> Каждая былинка ей в нем знакома, каждая травка. Нет нужды, что велик старый лес: она его избегала вдоль и поперек, беспечно напевая себе под нос»* [Чарская, 2016, с. 44-45].

Несмотря на то, что действие большинства романов Чарской происходит в закрытом мире женского института, мотив пространственной эмансипации в них присутствует, поскольку он приобретал социальную и культурную значимость в обществе того периода.

“Les Malhereus de Sofie”¹: пространственная свобода «новой девочки» в романах Софи де Сегюр

Среди популярных образов пространственно свободных «новых девочек» была главная героиня русских переводов франкоязычных романов для девочек «Приключения Сонечки» (1864)², «Сонечкины проказы» (1869) и «Примерные девочки» (1868) – шалунья Сонечка-

---

¹ Фр. «Сонечкины проказы» – название французского оригинала одного из романов Софи де Сегюр.

² Здесь указываются даты выхода в свет русскоязычных переводов данных сочинений.

Софи, смышленная и своенравная девочка, не желающая слушаться взрослых. Эти сочинения принадлежат перу французской детской писательницы русского происхождения Софи де Сегюр (урожденная София Федоровна Ростопчина, 1799-1874)¹. В XIX–XX вв. её произведения были бестселлерами как во Франции, так и в России, и до сих пор продолжают переиздаваться, экранизироваться и представляться на театральной сцене. В них наряду с привычными для той поры морализаторскими наставлениями детям отстаивалось право девочки быть самой собой, иметь свои вкусы и предпочтения, проявлять характер, проказничать как мальчишка и нарушать нормы гендерной сегрегации пространства.

“*L'enfant terrible*”²: Пространственная эмансипация девочки в европейской и американской литературе для детей

Большой популярностью среди детей как в Старом, так и в Новом свете, стали пользоваться образы независимых, оригинально мыслящих девочек, которые самостоятельно исследовали сложный новый мир вокруг себя и отваживались не только бросать ему вызов, отстаивая свою собственную точку зрения, но даже спорить со взрослыми. Оставаясь внешне послушными, вежливыми, благочестивыми, они тем не менее уже не были «невидимыми и неслышимыми», как того требовали правила того времени, а демонстрировали необычные внутренние качества, проявляя силу характера и неординарную индивидуальность. Именно такими были юные героини романов англоязычных писателей: «Алиса в стране чудес» (1865) Льюиса Кэрролла (1832–1898), «Маленькие женщины» (1868)

---

¹ Дочь графа Федора Ростопчина, генерал-лейтенанта, министра иностранных дел и губернатора Москвы (1812). В 1814 г. отец Софии по политическим мотивам был вынужден покинуть Россию и семья жила в Польше, Германии, Италии и Франции, где София вышла замуж и осталась жить, приняв католичество.

² Фр. «ужасный ребенок».

«Луизы Мэй Олкотт (1832-1888), «Полли, девочка нового типа» (1889) Элизабет Томасины Мид (1844–1914) и др.

Пространственной свободой в полной мере пользуются юные сказочные героини, в частности девочки из сказок Ганса Христиана Андерсена (1805–1875). В «Снежной королеве» преданная Герда отправляется на северный полюс через Лапландию, чтобы спасти Кая от чар Снежной королевы. Крохотная Дюймовочка на своем сложном пути преодолевает множество препятствий, чтобы избежать нежеланного замужества. В сказке «Елка»¹ страстные мечты юной героини об увлекательных путешествиях осуществляются, хотя и не так счастливо, как ей хотелось бы, отчасти потому, что она не настоящая девочка, а лишь юное деревце женского пола.

Свободой передвижения пользуется Венди Дарлинг – героиня нескольких произведений английского писателя Джеймса Барри о «вечном мальчике» Питере Пене. Путешествуя в сказочную страну Нетландию, эта идеализированная викторианская девочка завоевала одно из центральных мест в «Списке 10 самых популярных путешествующих женщин в англоязычной художественной литературе» [Rooney, 2010].

Популярная среди англоязычной детворы героиня сказки «Златовласка»², как и ее русский аналог Машенька, безмятежно обживаются в лесной избушке медвежьего семейства после неудачной прогулки по лесной чаще. Сестры Элли и Энни из сказки «Удивительный волшебник из страны Оз»³ (1900) американского писателя Лаймена Фрэнка Баума (1856–1919) в сопровождении верных друзей смело отправляются в поход по сказочной стране и царству семи подземных королей. Самостоятельно путешествуют в поисках счастья девочка Митиль и ее брат Гильтиль из сказки-феерии «Синяя птица» (1908)

---

¹ Среди русскоязычной читательской публики эта сказка была известна в переложении детского писателя А.Е. Разина под названием «Счастье и несчастье молодой елки» (1860).

² В переложении на русский язык Л.Н. Толстым эта сказка стала популярной под названием «Три медведя», известная среди литературоведов как «патриотическая «Война и мир» для малышей» [Hellman, 2013, p. 89].

³ В русском пересказе Александра Волкова – «Волшебник Изумрудного города» (1939).

бельгийца Мориса Метерлинка (1862–1949 гг.). Красная шапочка в сказке французского писателя-сказочника Шарля Перро, как и ее сестрицы – немецкая девочка Красный колпачок и англосаксонка Красный капюшончик, не страшась злого волка, отправляются в лес, чтобы навестить захворавшую бабушку. Кэрролловская Алиса отважно спускается по кроличьей норе, чтобы совершить свое рискованное путешествие в загадочную страну чудес, а затем, не пасуя перед злобными обитателями Зазеркалья, успешно достигает заветной восьмой горизонтали шахматной доски.

“Les voyageuse”¹: Женщины-путешественницы и путевые записки

Сказочные путешественницы стали появляться на страницах детских книг не случайно. Они отражали реалии времени, свидетельствовавшие о новом социальном явлении – появлении путешествующих женщин, пионерок независимой географической мобильности и пространственной эмансипации. Тенденция совершать длительные путешествия самостоятельно и особенно – отражать свои дорожные впечатления в мемуарах и путевых записках-травелогах, означала радикальную трансформацию в социальном положении женщин и достижении ими личной самодостаточности. В этот период на общественную сцену выходит целая плеяда женщин-путешественниц². В

---

¹ Фр. «путешественницы».

² Наиболее известными из них являются Александра Давид Неэль (1868–1969), французская оперная певица, поэтесса и композитор, более известная как путешественница, писательница и исследовательница Тибета, написавшая о нем несколько книг; российские исследовательницы Центральной Азии Александра Викторовна Потанина (1843–1893) и Ольга Александровна Федченко (1845–1921), известная также как выдающийся ботаник, Елена Ивановна Рерих (1879–1955), путешественница, востоковед, писательница; участницы экспедиции на Памир 1898 г. Юлия Головнина и Надежда Бергенева и др. Среди них была и уроженка украинского Екатеринослава (нынешний Днепр), популярный

период с 1849 по 1875 гг. она практически осуществила тоекратное кругосветное путешествие. Впечатления о своих странствиях по Индии путешественница отразила в книге «Из пещер и дебрей Индостана», которая была по достоинству оценена читательской аудиторией.

Как справедливо отмечает А. Афанасьева [2014], деятельность путешественниц свидетельствует о многообразии вариантов социальной активности женщин того периода. Ее исследование в русле гендерной теории дает возможность, с одной стороны, выявить стратегии, позволявшие женщинам выходить за пределы предписанного им круга занятий, с другой стороны, – проследить определенные изменения в восприятии гендерных ролей, происходившие в общественном сознании в то время. В то же время английские исследователи отмечают, что женщин-путешественниц считали «юбками на верблюдах», ведущими себя «не по-дамски» [Kelhawk, 2010]. Но сами дамы, понимая нестандартность своего положения, в путевых записках обычно извинялись перед читателями, уверяя, что не посягают на главенство мужчин в сфере путешествий и не только не нарушают нормы феминности, а напротив, укрепляют их [Siegel, 2004, p. 3].

”À la garçon”: Тема холостячки как символ пространственной эмансипации женщины в литературе

Новое явление независимой географической мобильности женщин нашло отражение не только в детской литературе, но и в произведениях для взрослых. Популяризации образа пространственно эмансипированной женщины способствовал успех развиваемой в художественной литературе темы «холостячки», начало которой было положено скандальным романом французского писателя Виктора Маргеритта “À la garçon” – «Под мальчика» (1921), в русском переводе – «Женщина-холостяк» (1924), составившим первую часть трилогии

религиозный философ и ученый XIX ст., основательница Теософского общества Елена Петровна Блаватская (1831–1891) – Родная сестра вышеупомянутой В.П. Желиховской.

«Женщина в пути» (1925). Его главная героиня Моника Лербье после ссоры с отцом и разрыва с неверным женихом поселяется отдельно от семьи и решает жить по своим законам, хотя и далеким от норм морали того времени.

**“*Odyssey au féminin*”¹: пространственная эмансипация
в английской женской прозе**

Тематика пространственной эмансипации женщин ярко представлена в жанре английской «женской прозы» конца XIX – начала XX вв. В романах британских писательниц викторианского периода² центральными персонажами выступают женщины, пользующиеся свободой передвижения в полной мере, дотоле не доступной для городской дамы. Хотя эти женщины отличаются друг от друга своим социальным положением, их объединяет новое качество пространственной свободы и географической мобильности в публичной сфере: они самостоятельны, без сопровождения мужчин, путешествуют в каретах, дорожных дилижансах, на поездах, по морю или даже пешком, преодолевая большие расстояния в силу жизненных обстоятельств, или же просто совершают длительные пешие и велосипедные прогулки, наслаждаясь «эстетикой пути» [Enevold, 2004].

---

¹ Фр. «одиссея в женском стиле» – название, иногда применяемое для обозначения литературы о женских путешествиях. См. [Bluemel 1997, с. 184].

² Период правления британской королевы Виктории (1837–1901). Элизабет Гаскелл (1810–1865), сестер Бронте – Шарлотты (1816–1855), Эмили (1818–1848) и Анны (1820–1849), Джордж Элиот (1819–1880), Мэри Элизабет Брэддо (1837–1915), а позже, в эдвардианскую эпоху², Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923), Дороти Ричардсон (1873–1957), Вирджинии Вулф (1882–1941) и др.

**“En route”¹: Одинокие путешественницы в романах
Шарлотты Бронте**

В произведениях Шарлотты Бронте (1816–1855), которая считается основоположницей женского движения в новеллистике, художественная литература сама выступает как фактор, способствующий пространственной эмансипации ее героинь. Уже с первых страниц романа «Джен Эйр» (1847) повествование о дальних странах будоражит воображение юной читательницы, пробуждая в ней жажду путешествий, самостоятельного познания внешнего мира. В эпизоде, где 10-летняя Джен читает книгу «Жизнь английских птиц» Бьюика, она грезит о *«суровых берегах Лапландии, Сибири, Шпицбергена, Новой Земли, Исландии, Гренландии, «всего простора полярных стран...»*. Сидя над книгой, девочка *«счастлива, по-настоящему счастлива, по-своему, но счастлива»* и боится только одного – что ей помешают [Бронте, 1956, с. 4-6]. Дальние страны выступают здесь как неведомое пространство за пределами привычной домашней сферы, мечты о котором играют роль фактора, помогающего юной героине понять себя, определить свое отношение к «большому миру» и найти собственное место в нем. Уже повзрослев, она не перестает мечтать об этом «деятельном мире», хотя и понимает, что для женщины он малодоступен: *«порой, когда я одна бродила по парку, или выходила за ворота и смотрела на дорогу <...>, открывала дверь чердака и, выбравшись на крышу, окидывала взором далекие поля и холмы и всматривалась в туманный горизонт; <...> мне хотелось тогда обладать особой силой зрения, которая помогла бы мне проникнуть за эти пределы, достигнуть иного, деятельного мира, увидеть города и местности, полные жизни, о которых я слышала, но которых никогда не видела; <...> я мечтала о большем жизненном опыте, о более широком общении с людьми, о знакомстве с более разнообразными характерами, чем те, которые меня окружали до сих пор <...>. Кто будет порицать меня? Без сомнения, многие»* [Бронте, 1956, с. 116-17]. «Многие» – это те, кто убежден, что *«призвание*

---

¹ Фр. «в пути» – иногда применяется для обозначения жанра путешествий.

женщины только печь пудинги да вязать чулки, играть на рояле да вышивать сумочки» [Бронте, 1956, с. 117]. Между тем, сама Джен считает, что «женщины испытывают то же, что и мужчины; у них та же потребность проявлять свои способности и искать для себя поле деятельности, как и у их собратьев мужчин; вынужденные жить под суровым гнетом традиций, в косной среде, они страдают совершенно так же, как страдали бы на их месте мужчины <...>. Неразумно порицать их или смеяться над ними, если они хотят делать нечто большее и учиться большему, чем то, к чему обычай принуждает их пол» [Бронте, 1956, с. 117]. Для выпускницы закрытого женского пансиона с его строгими правилами и изолированностью от внешнего мира такие независимые взгляды – неслыханная дерзость. Но твердость духа Джен, ее вера в свои силы и в собственную значимость как женщины позволяют ей бросить вызов консервативной пуританской морали английского общества. Смело нарушая викторианские гендерные конвенции пространственного поведения, она выступает как активный агент формирования новой гендерной нормативности в территориальной саморепрезентации женщины. Эта образованная девушка с ее камерным образом жизни воспринимает необходимость преодолеть «всего две мили»¹ до соседней деревушки в полном одиночестве лишь как «приятную прогулку» [Бронте, 1956, с. 118]. Можно констатировать, что образом Джен Эйр Шарлотта Бронте вносит методами художественной литературы собственную лепту в институционализацию идеи пространственно эмансипированной женщины в общественном сознании читателей своей эпохи.

В романе «Городок» (1853), который К. Лоуренс определяет как «переписывание “Джен Эйр” в иностранном ключе» [Lawrence, 1994, с. 26], главная героиня путешествует по Англии и за границей в поисках средств существования. Эта типичная для своего времени «странствующая европейская Золушка» [Назаренко, 2013, с. 29] в полной мере пользуется своей пространственной свободой и географической

---

¹ Более 3 км.

мобильностью. По ее мнению, *«только трус согласится провести всю жизнь в деревне и похоронить там все свои способности»* [Бронте, 1990, с. 59]. Прекрасно понимая *«какие трудности могут возникнуть у нее на пути»*, Люси Сноу относится к своим поездкам *«скорее как к кратковременному отдыху, который в кои-то веки разрешил себе измученный работой человек, чем как к смертельному риску»* [Бронте, 1990, с. 55-56]. Одинокая прогулка по британской столице внушает ей *«радостное, праздничное настроение»* [Бронте, 1990, с. 60], знакомство с лондонским Сити вызывает *«глубокое волнение»* [Бронте, 1990, с. 60], путешествие по морю и созерцание морских пейзажей приводит девушку в *«божественный восторг»* и доставляет *«несказанное наслаждение»* [Бронте, 1990, с. 67], а зрелище пустынной дороги *«вливает <...> новые силы»* [Бронте, 1990, с. 55].

Поскольку в викторианской культуре мир является пространственно организованным по классовому и гендерному параметрам, восприятие города молодой женщиной противоречит традиционной викторианской морали, ассоциирующей домашнюю сферу с защищенностью, а городскую улицу – с риском и соблазном. Стены зданий вызывают у нее ощущение ограничения пространственной свободы, а открытые городские пространства доставляют радость и чувство безопасности: *«ничего страшного я не обнаружила и решила выйти на улицу одна»* [Бронте, 1990, с. 60]. Поражает удивительная способность молодой женщины, впервые попавшей в мегаполис, с одной стороны, к *пространственной интеграции* в городской ландшафт, а с другой стороны – к созданию собственной *«гендерной панорамы»* [Agathocleous, 2011] в его восприятии. Разгуливая по улицам британской столицы, взбираясь на купол собора Св. Павла, чтобы увидеть панораму Лондона, она в полной мере наслаждается своей пространственной свободой в большом городе. Для нее *«прогулка по Лондону в полном одиночестве казалась сама по себе веселым приключением»* [Бронте, 1990, с. 60]. В то же время, отправляясь бродить по улицам мегаполиса без сопровождения и осознавая, что одним своим появлением она нарушает *«гендерные кодексы, свойственные определенным пространствам»* [Jones, 2015, с. 55], Люси одевается в серое неприметное платье, чтобы не привлекать к себе внимания прохожих, особенно мужчин, и не бросать открытый вызов общественному мнению. Это

можно расценить как *гендерную чувствительность в вопросах «пространственной компетентности»*, т.е. способность героини романа различать коннотации, предопределяемые гендерными конвенциями поведения в определенных общественных местах, и реагировать на них с целью избежания рисков и опасностей, свойственных пребыванию женщины в открытом публичном пространстве.

Затрагивая тему географической мобильности женщин, произведения Бронте визуализируют проблему взаимосвязи между пространственной свободой женщины и ее самоидентификацией, ощущением «принадлежности». Так, героиня романа «Городок» Люси Сноу воспринимает пространственную свободу женщины как особенность своей английской национальной идентичности: *«Иностранцы считают, что из всех женщин разрешить путешествовать в одиночку можно только англичанкам, но и то их крайне удивляют бесстрашие и доверие, проявляемые отцами и опекунами. Что же касается самих “jeunes mees”, то одни чужеземцы называют их смелость мужеподобной и “inconvenante”, а другие провозглашают их жертвами такой системы образования и религиозного воспитания, которая непредусмотрительно отвергает необходимый “surveillance”»* [Бронте, 1990, с. 64]. Сталкиваясь во время странствий с неизвестностью, а порой и опасностью, с новыми местностями, людьми и обстоятельствами, героини переосмысливают себя и окружающий мир с точки зрения классовых, гендерных, профессиональных и этнических отношений, начинают осознавать себя как «социальных и политических агентов» и прежде всего – как «настоящих современных женщин» [Short, 2015, с. 5], которых не пугают *«ни расстояние, ни путешествие»* [Бронте, 1956, с. 275]. Они адаптированы к географической мобильности, интегрированы в публичное пространство и комфортно ощущают себя в нем. В том же романе «Городок» семнадцатилетняя Джиневра Феншо на вопрос о том, нравится ли ей путешествовать по морю одной, с вызовом отвечает: *«Вот еще! Я об этом и не думаю. Я уже десять раз переправлялась через Ла-Мани одна, но я всегда стараюсь найти на судне друзей, а не бродить в одиночку»* [Бронте, 1956, с. 65].

“*La flâneuse*”¹: Феномен женского фланерства и образ фланерки в художественной литературе

Одной из форм пространственной эмансипации женщин на рубеже веков стал феномен «фланерства» или «фланирования» (от фр. *flâneur*) как сугубо городское явление, воспринимаемое как синоним и архетип модерна. Этот термин принадлежит Бодлеру, но был популяризован в литературном творчестве Вальтера Беньямина, давшего ему вторую жизнь. Его можно интерпретировать как прогулочный стиль свободного времяпрепровождения, при котором эстетическое наслаждение городским габитусом является самоцелью. Фигура фланёра ассоциируется с празднующимся горожанином, наслаждающимся динамикой большого города. По меткому выражению Тома Греттона, фланер блуждает по городу подобно читателю, блуждающему взглядом по страницам воскресной газеты [Gretton, 2006]. Как утверждает Елена Трубина, фланерство предполагает такую форму созерцания городской жизни, в которой отстраненность и погруженность в ритмы города являются нераздельными [Трубина, 2011]. Причем эта созерцательность имеет гендерную специфику, поскольку пространственная свобода традиционно считалась прерогативой мужчин, чей «обеспокоенный взгляд стоически фиксировал вызов патриархальной мысли и существованию, обусловленный присутствием женщин в городе» [Wilson, 1991, с. 110].

Феминизация городской рабочей силы, требовавшая большей свободы в пространственном поведении женщин, привела к ослаблению социального контроля их пространственной мобильности, предоставив возможности для самостоятельного передвижения по городу и даже фланирования, «не компрометируя собственной респектабельности» [Iskin, 2006, с. 122]. Появление среди фланеров женщин было вызовом Бодлеровскому образу фланера как отстраненного мужчины – созерцателя городских красот. Требовался новый концепт для обозначения дамы-фланерки, и он появился. Термин “*flâneuse*”

---

¹Это французское слово употребляется для обозначения женщины-фланерки в научной литературе на разных европейских языках.

предложила Элизабет Уилсон [Wilson, 1992], которая считала, что фигура дамы-фланерки была типичной в западных городах, но «невидимой» в общественном сознании и дискурсе, требуя визуализации и осмысления. В образе “*flâneuse*” Уилсон видела образ феминизированного мужчины».

В произведениях мужчин-романистов город обычно описывался «отстраненным фланерским взглядом» [Jones, 2015, p. 51] мужчин, разгуливающих по улицам города и наслаждающихся тем, что Эмиль Золя назвал «легкими удовольствиями» городской жизни. Например, в «Лавке древностей» Чарльза Диккенса главный герой Мистер Хамфри является любителем ночных прогулок по Лондону. В романе Джеймса Джойса «Улисс» (1918-20) протагонист Леопольд Блум разгуливает по улицам Дублина.

Первый литературный образ “*flâneuse*” был создан популярной английской романисткой Дороти Миллер Ричардсон (1873–1957). Героиня главного труда ее жизни, цикла из 13 романов под названием «Пилигримаж», издававшегося между 1914 и 1967 гг.¹, – молодая женщина Мариам Хендерсон – разгуливает по английской столице, изучая ее достопримечательности. В центральном романе этой серии под названием «Туннель» Лондон представлен как лабиринт, изучаемый героиней во время ее интеллектуального, психологического и духовного пилигримажа по нему.

Во французском урбанистическом романе город также обычно представлен с мужской точки зрения. Например, во вступительной главе романа Ги де Мопассана «Милый друг» (1885) Париж видится читателю глазами фланеров-мужчин: отставного гусара Жоржа Дюруа и его друга, журналиста Форестье. Разгуливая по французской столице в поисках приключений, они оценивают ее с сугубо мужской точки зрения: *«Уверяют, будто в Париже фланер всегда найдет, чем себя занять, но это не так. Иной раз вечером и рад бы куда-нибудь пойти, да не знаешь куда. В Булонском лесу приятно кататься с женщиной, а женщины не*

---

¹ Последние романы серии были изданы посмертно.

всегда под рукой. Кафешантаны способны развлечь моего аптекаря и его супругу, но не меня. Что же остается? Ничего. В Париже надо бы устроить летний сад вроде парка Монсо, который был бы открыт всю ночь и где можно было бы выпить под деревьями чего-нибудь прохладительного и послушать хорошую музыку. Это должно быть не увеселительное место, а просто место для гуляния. Плату за вход я бы назначил высокую, чтобы привлечь красивых женщин. Хочешь – гуляй по дорожкам, усыпанным песком, освещенным электрическими фонарями, а то сиди и слушай музыку, издали или вблизи. Нечто подобное было когда-то у Мюзара, но только с кабацким душком: слишком много танцевальной музыки, мало простора, мало тени, мало древесной сени. Необходим очень красивый, очень большой сад. Это было бы чудесно» [Мопассан, 2016, с. 11].

В то же время, появление фланирующих женщин на городских улицах без сопровождения имело гендерные импликации: оно привлекало внимание мужчин, царивших в публичном пространстве, и превращало их в объект созерцания и желания. Это способствовало эротизации урбанистического пространства, создавая новые вызовы для безопасности женщин и повышая их уязвимость в публичной сфере мегаполиса [см. Walkowitz, 1992]. Так, упоминавшаяся выше героиня романа Ш. Бронте «Городок» Люси Сноу во время прогулки по улицам города Виллет (прототипом которого был Брюссель) становится объектом домогательств со стороны фланеров-мужчин: *«Как раз когда я проходила вдоль какого-то портика, из-за колонн внезапно выскочили двое усатых мужчин с сигарами в зубах.<...> Они заговорили со мной наглым тоном и не отставали от меня ни на шаг, хотя я шла очень быстро. К счастью, нам встретился патруль и моим преследователям пришлось ретироваться»* [Бронте, 1990, с. 74-75].

Как видим, даже гендерная чувствительность героини в вопросах пространственной компетентности оказалась недостаточной, чтобы уберечь ее от гендерных рисков, свойственных публичному пространству города.

Транспортная революция, ставшая возможной благодаря расширению международной транспортной сети, совершенствованию технологий дорожного строительства и появлению новых средств передвижения в конце XIX в. позволила сделать дальние поездки и

путешествия более быстрыми, легкими, безопасными и дешевыми и, соответственно, более доступными для широких слоев населения, в том числе для женщин. Как отмечает С. Смит, «благодаря появлению более быстрых, безопасных, опрятных и удобных средств передвижения многие женщины стали уезжать из дома под влиянием притягательной силы дороги» (Smith, 2001: xi). Появились новые формы географической мобильности, например, культурный туризм и развлекательные путешествия как форма «досуга на показ» [Veblain, 2008]. Они имели гендерные коннотации, т.к. женщины не просто стали больше путешествовать, но получили возможность совершать дальние поездки без сопровождения мужчин и для этого уже не требовалось разрешение мужа или отца.

Формирование «культуры мобильности» как нового исторического тренда находит отражение в литературе того времени, сочетавшей «позднеромантические традиции с позитивистскими идеями» [Трофимова, 2007, с. 166]. В романе путешествие начинает приобретать значимость структурного, тематического и репрезентативного средства [Mathieson, 2015, с. 1]. Завоевывает популярность литературный жанр путевых записок или травелог. Однако, как отмечает Карен Лоуренс, в бесчисленных парадигмах книжных сюжетов о путешествиях, как например, приключениях, паломничестве и т.д., женщины отсутствовали и их исключенность способствовала тому, что мир странствий предстал перед читателем царством, в котором мужчина сражается с неизведанным, чуждым миром. Женские образы, например жена Одиссея Пенелопа, служили символическим воплощением дома, а другие, как Цирцея¹, сами были олицетворением чуждого мира [Lawrence, 1994, с. 1].

Указанные тенденции, протекавшие в контексте индустриализации и урбанизации, дали толчок общественным дискуссиям об усилении видимости женщин в публичном пространстве и общественной

---

¹ В греческой мифологии дочь Гелиоса и океаниды Персеиды. Богиня Луны, чародейка и колдунья, на чей остров был занесён во время своих блужданий по морю герой поэмы Гомера [Одиссей](#).

деятельности. Они вызвали к жизни появление плеяды женщин-писательниц, освещавших вопрос о праве женщин на свободу передвижения с точки зрения женщин разного возраста – от девочек и юных девушек до молодых матерей и умудренных жизнью дам, предопределив появление женских литературных персонажей нового типа – пространственно независимых и географически мобильных. И хотя в этих произведениях в основе странствий героинь иногда лежит не только потребность в «капитале мобильности» [Kaufmann et al, 2004] как самоценности, но и «романтический мотив эскапизма» [Назаренко, 2013, с. 29], они по сути выполняли функцию флоберовского «романа о воспитании чувств», визуализировавшего сквозь гендерную призму то, как обретение физического, сенсорного, визуального, эмоционального и эстетического опыта пространственной свободы влияло на качественную трансформацию женской личности и ее субъективацию средствами художественной литературы. Перефразируя терминологию Мераба Мамардашвили [Мамардашвили, 2014], можно сказать, что это были романы о «психологической топологии женского пути» – пути как в буквальном, феноменологическом, так и в онтологическом смысле, в значении «пути к себе» как индикаторе личностного роста героинь.

В этот период доминирование мужского начала в публичном пространстве начинает уступать место пространственному гендерному равенству и женской гео-пространственной эмансипации, что находит отражение не только в литературе для взрослых, но и в сказочном мире литературы для детей, в частности, для девочек. Увлеченность странствиями и приключениями больше не является привилегией Одиссеев и Синдбадов, Маленьких Муков и Иванов-царевичей, Ивасиков-Телесиков и Котигорошков. Жизненное кредо «покинуть дом и увидеть мир» перестает быть монополией «храброго малого», ассоциируясь уже и с «храброй малышкой». Начиная с безрассудной лягушки-путешественницы в одноименной сказке Вс. Гаршина (1887), армия сказочных туристов пополняется образами целеустремленных, пытливых и бесстрашных девочек-странниц, выгодно отличавшихся от затворниц Царевны-несмеяны и Рапунзель и домоседки Мальвины. И хотя эта литература страдала излишней сентиментальностью и дидактизмом, она выполняла важную социо-культурную функцию адаптации будущей гражданки к новым условиям эпохи модерна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьева, А. Английские женщины-путешественницы второй половины XIX века / А. Афанасьева // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – №2. – С. 28-32.

Бронте, Ш. Джен Эйр / Ш. Бронте. – Киев: Радянський письменник, 1956. – 500 с.

Бронте, Ш. Городок / Ш. Бронте. – Москва: Правда, 1990. – 479 с.

Вестин, Б. Детская литература в Швеции / Б. Вестин. – Москва: Детская литература; Стокгольм: Швед. ин-т, 1999. – 72 с.

Желиховская, В.П. Подруги / В.П. Желиховская. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 160 с.

Коллинз, У. Закон и жена. Пер. с английского А. Пиге / У. Коллинз. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 440 с.

Мамардашвили, М.К. Психологическая топология пути / М.К. Мамардашвили. – Москва: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. – 1232 с.

Мопассан, Ги Де. Милый друг / Ги де Мопассан. – Москва: Издательский союз «Андронум», 2016. – 296 с.

Назаренко, Н.И. «Женский вопрос» в романах сестер Бронте и Марка Вовчка / Н.И. Назаренко // Мировая литература в контексте культуры. – 2013. – № 2. – С. 25-30.

Разумовский, Д.А. Теология в эпоху постмодерна, или постмодерн в эпоху теологии / Д.А. Разумовский // Научный богословский портал. – 2008. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/361826.html>.

Рудова, Л. Девочки, красота и женственность. Постсоветские «потребительские сказки» / Л. Рудова // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2012. – № 23. – С. 10-39.

Славова, М.Т. Игра и игровое начало в беллетристике для детей / М.Т. Славова // Проблемы детской литературы. Межвуз. сб. – Петрозаводск: ПГУ, 1987. – С. 50-57.

Толстокорова, А.В. Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства / А.В. Толстокорова // Культура и искусство. – 2012. – № 5 (11). – С. 46-58.

Толстокорова, А.В. Роль пространственной эмансипации в формировании гендерной идентичности украинских образованных женщин (конец XIX - начало XX вв.) / А.В. Толстокорова // Человек и культура. – 2013. – № 1. – [Электронный ресурс]. – URL: http://e-notabene.ru/ca/article_316.html.

Толстокорова, А.В. Лебеди на мостовой: Пространственная эмансипация женщин в контексте формирования женской городской культуры на

рубеже XIX-XX веков / А.В. Толстокурова // Электронный журнал «Культура культуры». – 2013. – №4. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cult-cult.ru/swans-on-the-pavement/>

Трофимова, Е.И. «Институтки» Лидии Чарской vs «маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт / Е.И. Трофимова // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 166-173.

Трубина, Е. Город в теории: опыт осмысления пространства / Е. Трубина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

Тургенев, И.С. Ася. Вешние воды. Накануне / И.С. Тургенев. – Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», Белгород: ООО Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2009. – 384 с.

Флиер, А.Я. Культура как среда: опыт аналитического структурирования / А.Я. Флиер // Культура культуры. – 2014. – № 1. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://cult-cult.ru/kulitura-kak-sreda-opyt-analiticheskogo-strukturirovaniya/>

Фриденберг, В. За что дети любят и обожают Чарскую? / В. Фриденберг // Новости детской литературы. – 1912. – № 6. – С. 1-6.

Чарская, Л.А. Лесовичка / Л.А. Чарская. – Москва: Директ-Медиа, 2016. – 483 с.

Шишкова, И.А. Развитие жанра «романы для девочек» в литературно-художественном процессе викторианской эпохи и образ «новой девочки» в произведениях Л.Т. Мид / И.А. Шишкова // Филологические науки, – 2002. – № 2. – С. 38-45.

Шишкова, И.А. Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков (Конец XIX - XX вв.): Дис. д-ра филол. наук / И.А. Шишкова. – Москва, 2003. – 426 с.

Agathocleous, T. Urban Realism and the Cosmopolitan Imagination in the Nineteenth Century: Visible City, Invisible World / T. Agathocleous. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 294 p.

Bluemel, K. Experimenting on the borders of Modernism: Dorothy Richardson's *Pilgrimage* / K. Bluemel. – Athens & London: University of Georgia Press, 1997. – 215 p.

Braidotti, R. Nomadic Subject: Embodiment and Sexual Differences in Contemporary Feminist Theory / R. Braidotti. – New York: Columbia University Press, 2011. – 352 p.

Enevold, J. The Daughters of Thelma and Louise: New Aesthetics of the Road / J. Enevold // Gender, Genre and Identity in Women's Travel Writing / Ed. K. Siegel. – New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien: Peter Lang, 2004. – P. 73-97.

Grand, S. The New Woman and the Old / S. Grand // *Lady's Realm*. – 1898. – № 4. – P. 466-470.

Gretton, T. Not the flâneur again: reading magazines and living the metropolis around 1880 / T. Gretton // *The invisible flâneuse: Gender, public space and visual culture in nineteenth century Paris* / Eds. A. D'Souza, T. McDonough. – Manchester & New York: Manchester University Press, 2006. – P. 94-112.

Iskin, R. The *flâneuse* in French fin-de-ciècle posters: advertizing images of modern women in Paris / R. Iskin // *The invisible flâneuse: Gender, public space and visual culture in nineteenth century Paris* / Eds. A. D'Souza, T. McDonough. – Manchester & New York: Manchester University Press, 2006. – P. 113-128.

John, M. The Antinomies of Ruling Class Culture: The Buenos Aires Elite, 1880-1910 / M. John // *Journal of Historical Sociology*. – 1993. – vol. 6, issue1/3. – P. 85-88.

Jones, M.C. Fashioning Mobility: Navigating Space in Victorian Fiction / M.C. Jones. PhD Dissertation. – University of Kentucky, 2015. – 167 p.

Hall, E.T. *The Hidden Dimension* / E.T. Hall. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966. – 304 p.

Hellman, B. *Fairy Tales and True Stories: The history of Russian literature for children and young people (1574-2010)* / B. Hellman – Leiden: Koninklijke Brill, 2013. – 218 p.

Kaufmann, V., Bergmann, M.M., Joye, D. Mobility: Mobility as Capital / V. Kaufmann, M.M. Bergmann, D. Joye // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2004. – № 28. – P. 754-756.

Kelhawk, T. *Skirts on Camels: Early Women Travel Writers* / T. Kelhawk // *The Huffington Post*, 10.21.2010. – [Electronic resource]. – URL: http://www.huffingtonpost.com/terry-kelhawk/skirts-on-camels-early-wo_b_748789.html

Lawrence, K. *Penelope Voyages: Women and Travel in British Literary tradition* / K. Lawrence – Ithaca, London: Cornell University Press, 1994. – 288 p.

Lysack, K. *Come Buy, Come Buy: Shopping and the Culture of Consumption in Victorian Women's Writing* / K. Lysack – Athens, Ohio: Ohio University Press, 2008. – 256 p.

Mathieson, Ch. *Mobility in the Victorian Novel: Placing the Nation* / Ch. Mathieson – London, New York: Palgrave MacMillan, 2015. – 217 p.

Rappaport, E.D. *Shopping for Pleasure: Women in the Making of London's West End* / E.D. Rappaport – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2000. – 344 p.

Rooney, J. Jennie Rooney's top 10 women travellers in fiction / J. Rooney // *The Guardian*, 23.06.2010. – [Electronic resource]. – URL:

<https://www.theguardian.com/books/2010/jun/23/jennie-rooney-top-10-women-travellers-fiction>.

Siegel, K. Intersections. Women's travel and theory // Gender, genre and identity in women's travel writing / K. Siegel // Gender, Genre, and Identity in Women's Travel Writing / Ed. K. Siegel – New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien: Peter Lang, 2004. – P. 1-14.

Smith, S. Moving Lives: Twentieth-Century Women's Travel / S. Smith – Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2001. – 288 p.

Szabo, A. 19th Century Girls' Literature: Stories of Empowerment or Limitation? / A. Szabo. A Thesis for the degree of Master of Arts in Liberal Studies. – Georgetown University, Washington, DC, 2009. – 104 p.

Short, E. Introduction: Women Writing Travel, 1890–1939 / E. Short // Journeys. Special issue “Women Writing Travel, 1890-1939”. – vol. 16, issue 1. – 2015. – P. 1-7.

Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class. An economic study of the evolution in institutions (1899) / Th. Veblen – Oxford and New York: Oxford University Press, 2008. – 184 p.

Walker, L. Vistas of Pleasure: women consumers of urban space in the West End of London 1850-1900 / L. Walker // Women in the Victorian Art World / Ed. C. Campbell Orr. – Manchester: Manchester University Press, 1995. – P. 70-85.

Walkowitz, J. City of Dreadful Delight: Narratives of Sexual Danger in Late Victorian London / J. Walkowitz – London: Virago Press, 1992. – 382 p.

Wilson, E. The Sphinx in the City / E. Wilson – London: Virago Press, 1991. – 191 p.

Wilson, E. The invisible flâneur / E. Wilson // New Left Review, No I /191. – 1992. – P. 90-110.